

*In memoriam.**К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева***ЛИЧНОСТЬ И ВКЛАД В НАУКУ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА
(размышления, навеянные чтением его интервью
журналу «Личность. Культура. Общество»)****В.М. Розин**

Институт философии РАН

Аннотация: В статье предпринята попытка осмыслить личность Александра Зиновьева и его вклад в философию. При этом автор опирался на собственное знакомство с Зиновьевым, наблюдения за его жизнью и поступками, а также на интервью, которое он дал в 2003 году гл. редактору журнала «Личность. Культура. Общество» Ю.М. Резнику. Рассматриваются обстоятельства (война, семья, атмосфера в стране, уникальные способности), которые сформировали личность Зиновьева; ее с некоторой степенью условности можно назвать эзотерической и явно талантливой. Анализируется вклад Зиновьева в философию, самосознание социологом, открывшим глубинные законы социального бытия, использование которых, считает он, позволит осуществить дальнейшее социальное развитие и, возможно, настоящую революцию. Автор признает значение Зиновьева и призывает читателей продумать его жизнь¹.

Ключевые слова: Александр Александрович Зиновьев, личность, война, общество, государство, поступок, самосознание, время.

С личностью Зиновьева в сознании представителей российского научного сообщества, безусловно, связаны загадки. Блестящий и мало понятный логик, неожиданно пишет едкую сатиру «Зияющие высоты» на советское общество, его высылают на Запад как диссидента, хотя он таковым не является, за границей Зиновьев, вдруг, начинает хвалить коммунизм, одновременно критически оценивая западное общество, потом в самом конце 90-х он возвращается в Россию, заявляя себя чуть ли ни как нового мессию. «Не поймите это как хвастовство, – говорит Зиновьев в интервью главному редактору журнала Ю.М. Резнику, – я считаю, что в эволюционном процессе не все люди растут и развиваются, появляются точ-

¹ Впервые эта статья была опубликована в 2003 году [Розин 2003] и потом несколько раз перепечатывалась в разных изданиях. На мой взгляд, понимание этой статьи как критики Зиновьева не совсем правильное. Я стремился объективно изложить взгляды позднего Зиновьева, исходя из его собственных высказываний в интервью, а также чтения его книг и некоторого знания его судьбы. Безусловно, это был талантливый, блестящий логик и публицист, тем более важно уяснить его мироощущение в поздние годы.

ки роста. И через эти точки роста "прорастает" и народ, и вся страна. Я про себя могу сказать, что я – точка роста России. Не будет официального признания Зиновьева в России – не будет России! Другую точку роста такого рода я не вижу. Это дело случая. Срежут меня, другой подобный индивид в России вряд ли появится» [Мой путь... 2001: 326].

И это при том, что Зиновьев вроде бы всегда выступал против официальной науки и официальной власти. Горбачева он прямо называет предателем («Как могла прийти в голову мысль, что Генеральный секретарь ЦК КПСС станет предателем № 1? Это было немислимо. И на Западе никто в это не верил вплоть до прихода Горбачева к власти. Никто на Западе не рассчитывал на такой крах коммунизма» [Мой путь... 2001: 323]). Ельцин – простой продолжатель дела Горбачева. И «путинизм» быстро разочаровал Зиновьева. Путин, говорит Зиновьев, «может истребить и прогнать всех ельцинских людей, но "ельцинизм" он "прогнать" не сможет. Его историческая миссия состоит в том, чтобы легитимизировать результаты антикоммунистического переворота в гобачевские и ельцинские годы... пройдет время, и о Путине будут говорить, что это Ельцин сегодня» [Мой путь... 2001: 329]. Так, кто же тогда официально признает Зиновьева?

Миф Зиновьева связан и с именами наших известных философов и методологов – Г.П. Щедровицкого, М.К. Мамардашвили, А.И. Грушина. Считается, что Зиновьев был общим их учителем. Вот, например, что спрашивает у Зиновьева Юрий Михайлович Резник. *«Впервые неофициальную информацию о Вас я услышал не на философском факультете, где учился спустя 30 лет после окончания Вами факультета, а от Георгия Петровича Щедровицкого, участвуя в его методологических семинарах. Он постоянно на Вас ссылался. Георгия Петровича Вы, наверное, знали хорошо. Он в те годы считал Вас признанным лидером, главным создателем Московского логического кружка (принятая аббревиатура – ММК. – В.Р.), считал, что Вы были его душой, внесли очень важные идеи и, самое главное, перевернули представление о методологии науки. Именно от Вас он ведет историю своей профессиональной деятельности»* [Мой путь... 2001: 291].

В ответ Зиновьев говорит: «И Грушин, и Мамардашвили, и Щедровицкий были в некотором роде моими учениками. Они все «вышли» из моей кандидатской диссертации» [Мой путь... 2001: 292].

Действительно, и я слышал от Щедровицкого о том, что именно Зиновьев стоит у истоков движения «диалектических станковистов» (так оно тогда шутливо называлось). Правда, создателем ММК он считал самого себя, а не Зиновьева. Да и значение идей Зиновьева Щедровицкий относил только к становлению, в дальнейшем же, наоборот, подчеркивал, что Зиновьев изменил собственным принципам и подходу, переключившись на математическую логику. А по поводу учительства Щедровицкий говорил достаточно неопределенно. С одной стороны, вроде бы он считал себя последователем Зиновьева, но с другой – подчеркивал, что их дороги разошлись. О том же в интервью говорит и Зиновьев.

«Дело в том, что потом, конечно, наши пути разошлись... С таким человеком, как Ильенков, хотя мы с ним дружили, мы были глубинные враги. А что касается Грушина, Мамардашвили и Щедровицкого, то все они не могли продолжать дальнейшую работу со мной, поскольку у них не было для этого способностей и желания» [Мой путь... 2001: 292].

Вспоминаю, что и мне, студенту второго курса (как потом выяснилось для проверки стойкости и способностей) Щедровицкий уже в первый год знакомства дал читать кандидатскую диссертацию Зиновьева. И в самом деле, диссертация очень содержательная и значимая, в частности, с точки зрения задачи и принципов исследования мышления. Тем не менее, как я отмечал в своих работах, представители ММК не взяли проанализированную Зиновьевым сложную стратегию марковского «восхождения от абстрактного к конкретному», а сформировали собственный метод анализа мышления, опирающийся на образцы естественных

наук и псевдогенетическую реконструкцию развивающегося мышления. Кстати, и сам Зиновьев в дальнейшем реализовал не проанализированную им марксову стратегию, а подход, основанный на идеях логики, понимаемой как нормы языка, и научного метода почти по бэконовскому образцу.

В интервью Зиновьев называет себя ученым, логиком и, на чем он особенно настаивает, социологом. «Я изначально был социологом, даже еще не имея достаточного образования, выступая просто как заинтересованный человек, "интуитивный социолог". И остался социологом до сих пор. А остальное (скажем логика и методология) появилось потом как средство решения поставленных задач» [Мой путь... 2001: 309]. «Посмотрите, я логик и социолог, причем логик – дай Бог всякому» [Мой путь... 2001: 320]. Если социологию, говорит Зиновьев, «построить по-настоящему научно, то есть с учетом требований логики и методологии науки в моем понимании, то общая социология станет точной наукой. И социологическое прогнозирование станет таким же точным, как посылка космических кораблей» [Мой путь... 2001: 318]. Однако, научное сообщество почему-то считает Зиновьева только логиком, не воспринимая серьезно его социологические штудии и открытые им социологические законы.

Наконец, действительно, вызывают удивление неоднократные заявления Зиновьева о том, что марксизм является наиболее развитой в современной цивилизации формой социальной жизни, значительно более совершенной, чем капитализм. И одновременно он почему-то погиб в результате предательства и козней капиталистов типа М. Тэтчер. «Коммунистический строй в России не изжил себя, он был молодой, только начал взрослеть, и его убили. Искусственно разрушили. Я как социолог утверждаю, что по уровню социальной организации он выше всего того, что есть на Западе... Тэтчер была самым умным политическим деятелем на Западе в тот период. Она возглавила весь этот процесс разгрома Советского Союза силами самих советских людей» [Мой путь... 2001: 312, 322, 323]. «Я, как ученый, по прошествии многих лет пришел к такому выводу, что с разгромом русского коммунизма Россия навечно утратила перспективу стать великой, ведущей державой. Я думаю, что советский период был вершиной русской истории, и на такую высоту Россия больше не поднимется» [Мой путь... 2001: 312].

Загадка, однако, в том, что в интервью Зиновьев рассказывает о себе как об антикоммунисте («я открыто, – говорит он, – отвергал марксизм» [Мой путь... 2001: 291]) и сравнивает жизнь в Советском Союзе с тюрьмой. «Оказавшись на Лубянке, – рассказывает Зиновьев, – я впервые спал на отдельной кровати и ел досыта. Как же мы жили на гражданке, если... тюрьма показалась раем!» [Мой путь... 2001: 285]. Что же в этом случае означают слова Зиновьева: «Сначала объектом моего исследования был молодой цветущий коммунизм. Потом он был разгромлен, и появилось то, что мы имеем сейчас. Я не принял то, что появилось... Как теоретик, я исходил из того, что советский коммунизм, молодой и жизнеспособный, что он пришел навечно» [Мой путь... 2001: 309, 322].

Проще всего было бы все эти противоречия и загадки списать за счет старости: ведь Зиновьеву пошел девятый десяток («Я никогда не рассчитывал, – пишет он с удивлением, – что доживу до такого возраста» [Мой путь... 2001: 179]). Но Зиновьев совсем не похож на человека, которому отказал разум, напротив, для своего возраста он абсолютно сохранен. Объяснение, вероятно, нужно искать в личности и времени (в окружении и обстоятельствах). Здесь можно указать такую последовательность: выдающиеся способности юного Зиновьева (он был, что называется сегодня, вундеркинд – за минуту мог запомнить страницу текста, молниеносно перемножал в уме даже шестизначные числа), тяжелый труд и быт советского времени, которые с лихвой хлебнул будущий социолог, увлечение книгами романтической и утопической направленности (Лермонтов, М. Горький, Кнут Гамсун, Гюго, Сенкевич, Томас Мор, Кампанелла, Эжен Сю, Этьен Кабе и другие [Мой путь... 2001: 283]), среда, «где, по

словам Зиновьева, было очень критическое отношение к Сталину: анекдоты, рассказы, насмешки» [Мой путь... 2001: 283], война, которая окончательно сформировала личность Зиновьева и, по его собственному свидетельству, «была лучшим временем жизни» [Мой путь... 2001: 288], наконец, становление Зиновьева как мыслителя, ученого и, отчасти, эзотерика.

В целом Зиновьев формировался как маргинальная личность с анархическими наклонностями. Социальные маргиналы или, как их называет К. Касьянова, аутсайдеры – это люди не просто «выпавшие из устойчивых социальных структур», но вынужденные поэтому опираться на собственную личность, жить, как писал Глеб Успенский, «своим умом» и при этом «своего по части убеждений и нравственности у них ничего нет. Это – совершенно пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно». Опора социальных маргиналов на собственную личность, жизнь «своим умом», с одной стороны, ставило их (в плане собственного мироощущения) вровень с социумом, делало соизмеримыми с культурой (маргинал самого себя манифестировал как культуру), с другой – влекло в стан критиков и революционеров. Действительно, кто, как не маргиналы, остро чувствуют социальную несправедливость, и кто, как не они, склонны к решительным действиям, направленным на изменение социальной системы? Именно из маргиналов в XIX, начале XX вв. выходят как разночинцы и интеллигенция, так и революционеры разных мастей. Заметим, что образование в 20–30 годах прошлого века маргиналов как массового явления и революционные идеалы было не в последнюю очередь обусловлено ниспровержением после революции всех устоев прежней жизни, бегством крестьян в города, строительством непонятной социалистической жизни, когда нельзя было опереться на близких и традиции.

Если по части убеждений молодой Зиновьев как раз не был обделен (он свои взгляды не только сознательно строил, но и старался реализовать в жизнь), то по части нравственности формула Глеба Успенского, пожалуй, к Зиновьеву вполне подходит. И соизмеримость свою культуре Зиновьев сформулировал очень рано. В 1939 году, когда он сидел на Лубянке и был готов ко всему, Зиновьев сформулировал свою жизненную установку: «я есть суверенное государство из одного человека, я буду вырабатывать свою собственную идеологию, свои собственные моральные, эстетические принципы... За все эти годы я ни на шаг не отступил в сторону от этой своей установки» [Мой путь... 2001: 279].

Интервью Зиновьева показывает, что утвердиться в такой, почти эзотерической, жизненной установке ему помогли, с одной стороны, именно маргинальность, с другой – самовоспитание и война. Уже первое испытание (арест и следствие на Лубянке) Зиновьев преодолел нетрадиционно: он не стал играть по правилам системы, которую Зиновьев интуитивно хорошо понимал. Его объяснения для следователя были алогичны и непонятны, его действия (он просто сбежал и больше уже не появлялся в местах, где его знали) не укладывались в стандартное поведение людей того времени. И в дальнейшем Зиновьев всегда действовал как маргинал, не «по правилам»: пошел в армию без призыва, сбежал из кавалерийского полка, переходил из одной части в другую, подкупал писарей и прочее. Как ни странно, это его не раз спасало. В связи с этим вспоминаю две истории. Одну я слышал от Щедровицкого, другую от Налимова.

Тесть Щедровицкого от второго брака в 1936 г. был комендантом Кремля. Всех его сотрудников уже забрали, и он каждый день со страхом ждал собственного ареста. Однажды, придя на работу, он увидел, что за его огромным столом сидят несколько человек. Приближаясь к своему месту, он понял, что это пришли за ним, но сначала его должны осудить публично (таков в этот небольшой период был порядок). Не дойдя двух шагов до своего стола, комендант Кремля, вдруг, неожиданно для самого себя скинул шапку, бросил ее оземь, и со словами «Ах, черт побери», повернулся и ушел домой (и больше на работу не выходил). Его поведение настолько выпадало из системы, что к удивлению самого коменданта Кремля его

не тронули. Так он и просидел дома, никуда не выходя, до самой войны, а в 1941 о нем вспомнили, призвали и поставили командовать полком.

История с Налимовым не менее любопытна и характерна. В конце войны он сидел в лагерях, умирая от голода и болезней. Налимов понял, что, если не сделает что-то экстраординарное, то его дни сочтены. Игнорируя всякую логику и опыт лагерной жизни, он подает заявление, обвиняя руководство лагеря в нарушении правил и законов. Вы думаете, его тут же расстреляли? Нет, расстреляли начальника лагеря. Почему? Вообще-то случайно. Дело в том, что в этот год лагеря не выполнили план работ. Берия посылает комиссию, чтобы выяснить причины. Комиссия едет по лагерям, легко находит причину, она лежит на поверхности – план не выполнили, поскольку от болезней и голода погибли тысячи и тысячи заключенных. В острастку принимаются меры. В частности, в лагере, где умирал Налимов находят его жалобу на коменданта. Последнего для урока расстреливают, а Налимова переводят в больничку. Это и спасло его жизнь.

Не меньшее значение в формировании личности Зиновьева сыграли война и самовоспитание. Именно война способствовала таким его качествам, как склонность к риску, стремление жить масштабными событиями, презрение к интеллигентским переживаниям, своеобразный офицерский аристократизм. «Самое трудное во время войны, – рассказывает Зиновьев, – для меня было скрываться. Я все время бегал от органов... Страха не было. Видите ли, я еще в детстве начал заниматься самовоспитанием и научился преодолевать страх. После этого у меня в жизни не было поступков, которые я совершал под влиянием страха. В начале войны мне приходилось участвовать в таких операциях, когда нужно было буквально штыком закалывать диверсантов. И никакого страха я не испытывал. И при боевых вылетах скорее переживал состояние подъема. Что же касается «органов», то тут было, скорее, ощущение приключения, игры что ли. В гражданской, невоенной жизни я никогда не боялся высказывать немарксистские суждения, пошел на публикации книги, за которую ожидал ареста... За годы войны я окреп физически... И духовно от всего освободился. Авиация – это нечто подобное гусарскому полку в старой русской армии. К тому же война давала колоссальный материал для наблюдения. Во время войны я очень много занимался литературным трудом» [Мой путь... 2001: 288].

Правда, все эти необычные качества личности Зиновьева, которыми можно и восхищаться, уживались с другими, вполне российскими, например, пьянством и завистью к коллегам. Послевоенные годы, вспоминает Зиновьев, «были годами жуткого пьянства. Как я потом писал, русское пьянство – это не медицинское явление, а своего рода религия. Пьянство давало общение. Легче было, когда выпьешь, переносить бытовые трудности, жизнь виделась в другом свете, казалась не такой серой. Но пьянство не мешало» [Мой путь... 2001: 289]. Много раз Зиновьев бросал пить, но это не получалось. Потом вышло, и он не пил 15 лет. Сорвался после того, как в Сухуми на него обиделись социологи, которых Зиновьев на конференции в течении целых пяти минут сравнивал с обезьянами из сухумского питомника. Помню, как придя в номер к Щедровицкому, с которым Зиновьев после многих лет ссоры помирился, Александр Александрович с недоумением сказал: «Юра (так звали Щедровицкого близкие друзья. – В.Р.), почему они на меня обиделись, что я им такого сказал, что они сами о себе не знают?» После этого он напился и улетел в Москву.

Сложнее понять владеющее нашим героем чувство зависти, перетекающее в манифестацию своей исключительной значимости. Кажется, чего: доктор наук, профессор, автор многих научных и научно-публицистических книг, известный логик и ученый, причем пострадавший от советской власти. Все есть, полная чаша. Так нет, Зиновьева буквально снедает и разрушает зависть – к бывшим ученикам, коллегам по профессии, диссидентам. Например, Ю. Резник спрашивает его об отношении к Сахарову и Солженицину. Вот что отвечает

Зиновьев. «Первое, что сделал Сахаров, – дал Западу такое поганое интервью, как ни одни советские секретные письма меня не поливали... я не церемонился, когда приходилось высказываться о диссидентах и об их концепциях... Я считал Солженицина посредственным писателем, что он раздут как орудие "холодной" войны. Я считал и считаю Сахарова с социологической точки зрения полным ничтожеством» [Мой путь... 2001: 298].

А вот высказывания о бывших учениках и коллегах. «И то, что я сделал, позволило мне в этой науке занять такое положение, на какое мои ученики никак не тянули. Они все были скорее имитаторами науки, чем учеными в строгом смысле слова... Тысячи, десятки тысяч посредственностей работают в методологии и в социологии, а фундаментальные идеи не понимают... Я в логике приобрел уже мировую известность, а это вызвало злобную реакцию в моей среде... В логической среде, как и во всей отечественной философии и науки, сложилась своего рода мафия, в которую я не "вписывался"... социологи меня не любят. Они чувствуют, что моя ориентация несет угрозу их статусу и благополучию... Я работал и в сфере аппарата логики... Я опередил всех их более чем на 30 лет... Сейчас "переоткрываются" многие мои работы без ссылок на них» [Мой путь... 2001: 292, 305, 313].

И все это на фоне самооценки, которой может позавидовать Хлестаков. «Я считал себя суверенным государством из одного человека и ни к кому не примыкал. Я ощущал себя миссионером: меня спрашивают, я отвечаю, меня просят рассказать что-то, я говорю... Я пробыл исключительно за счет своего творчества. Меня не поддерживали правительства и секретные службы. Были люди, которые "Зияющие высоты" перечитывали по 20 раз и больше. Люди, которые мне говорили, что после моих книг они ничего другого читать не могут... Все то, что происходило в России в последние 15 лет, было предсказуемо с помощью моей теории, и я это делал... Не будет официального признания Зиновьева в России – не будет России» [Мой путь... 2001: 311, 318, 326].

Теперь о выборе научного пути. Два основных подхода, вероятно, оказали основное влияние на выработку Зиновьевым научного мировоззрения: марксизм и творчески переосмысленный логический позитивизм. Марксизм давал установку на изучение общества с целью его изменения, ориентировал на методологию, основанную на научных законах мышления. Правда, эти научные методы, считал Зиновьев, получаются не в ходе исследования мышления (так он думал только в начале своей научной карьеры, когда писал кандидатскую диссертацию и общался с Щедровицким, Мамардашвили, Грушиным), а конструируются на основе норм научного языка. Здесь работал второй подход. С точки зрения Зиновьева, структуру мышления задают нормы языка, примерно также как структуру естественнонаучной мысли – математика. Вообще, будучи сильным математиком (во время экспериментов он шел как семечки математические задачи даже в барокамере, подвешенный вверх ногами [Мой путь... 2001: 289]), Зиновьев одновременно не был свободен от математической предвзятости. Логика в его понимании – это и есть своеобразная математика для социологии как точной науки.

«Для меня, – пишет Зиновьев, – научно то, что удовлетворяет критериям логики... В моем понимании *задача логики – обработка языка*. Нужен следующий этап. В рамках моей комплексной логики, на этой основе я разрабатываю онтологический понятийный аппарат, то есть *серию понятий, относящихся к пространству, времени, движению, развитию, эволюции* и так далее. Логика используется для этого, но тут создается новый дополнительный аппарат. Раннее разработанный аппарат используется для *обработки методов получения знаний*. Весь этот аппарат используется в социологии. Но не непосредственно. Требуется еще один *посредник*, а именно – нужно построить особую дисциплину на грани логики и социологии (*логическую социологию*), в которой надо разработать конкретную методологию со-

циальных исследований. И с этими методами приступать к решению конкретных социологических задач» [Мой путь... 2001: 292, 317] (курсив наш. – В.Р.).

Таким образом, методология Зиновьева напоминает двухэтажное строение: «верхний этаж» – построение норм научного языка, «нижний» – методов получения социологических знаний, между ними, «посредник» – логическая социология. Здесь легко разглядеть, с одной стороны, кантианскую программу (описание априорных категорий времени, пространства и других; трактовка логики как «чистой аналитики» и своеобразной «философской математики»), с другой – марксистски переосмысленную программу Бэкона-Декарта (то есть убеждение, что на основе правильных методов можно перестроить существующее общество), с третьей стороны, вероятно, чисто зиновьевскую идею о том, что правильные методы – это спроецированные на конкретный материал, примененные к конкретным случаям нормы, установленные в логике.

Продумывая эту методологию, можно отметить следующее. Вряд ли анализ понятий можно свести к обработке языка. Еще менее очевидно, что построение новых понятий и знаний, например, социологических, есть реализация на конкретном материале сложившихся понятийных построений. Социальная реальность конституируется не только за счет нового языка и схем (это только одно из необходимых условий), но и как реальный опыт социальной жизни, с соответствующими социальными изобретениями, негативными и позитивными последствиями, их осознанием, консолидацией и борьбой социальных акторов, формированием различных подсистем культуры (социальных институтов, власти, хозяйства и экономики, общества, сообществ, личности, см. подробнее мою книгу «Теория культуры»).

К сказанному можно добавить, что методология и социологическая концепция Зиновьева, действительно, не были серьезно восприняты научным сообществом. К тому же сам Зиновьев подрывает доверие к своим теориям, утверждая, что и не нужно никакой особой методологии, а главное это прямо прорваться к социологическим законам. «Гайна, – пишет с пафосом Зиновьев, – в нашей способности открывать социальные законы, наблюдая очевидные, очень простые вещи. Ум требуется для того, чтобы обнаружить роль этих простых вещей и привести это в систему... Все основные идеи, касающиеся современного состояния мира, и Запада, и России и касающиеся будущего, можно построить ясным, простым языком... Информация, факты буквально под ногами, только умей увидеть это, умей увидеть, что на самом деле миром управляют не какие-то социологические титаны, а ничтожества [Мой путь... 2001: 313, 314, 315]. Наконец, как-то слабо веришь Зиновьеву, осмысляя установленные им самим социологические законы, например: «если у социального индивида есть потребность совершить какое-то действие, связанное с нарушением норм права и морали, и если он убежден в том, что он останется неразоблаченным, он это действие совершает» или «с разгромом русского коммунизма Россия навечно утратила перспективу стать великой, ведущей державой» [Мой путь... 2001: 312, 315]. Первый «закон» – простое наблюдение, которое подведено под индуктивное обобщение, второй – ни на чем не основанное убеждение самого Зиновьева.

Некоторый свет на понимание научной и не только научной позиции Зиновьева проливают его высказывания о том, что он никогда не следовал традиции, а подобно Декарту черпал только из себя. Я отвергаю, говорит Зиновьев, все, «что сочинили другие», я демонстративно подчеркивал то, «что иду своим путем» [Мой путь... 2001: 321]. Но, во-первых, Декарт на самом деле прекрасно знал философскую традицию, во-вторых, его заявления соответствовали исторической задаче – блокировать традиционные неэффективные формы мышления. На мой взгляд, у Зиновьева другая проблема – реализовать себя как мессию, как носителя истины, показать, что другие – заблуждаются. Подобное, отчасти эзотерическое мироощущение, вероятно, сложилось у Зиновьева не сразу, а под влиянием обстоятельств.

Еще в довоенное время, но главным образом в период войны Зиновьев сформировался как *борец и личность сомасштабная власти, государству, правителям*. «Если уж восставать, – вспоминает он о своем публичном довоенном выступлении против культа Сталина (за это его и арестовали), – то не против каких-то там мелких чиновников, а восставать против самого большого, против бога. Я рано стал атеистом и высшим существом представлял себе именно Сталина... Я до смерти Сталина был антисталинистом. Почти в открытую вел антисталинскую пропаганду» [Мой путь... 2001: 284, 290]. Тем не менее, Зиновьев вел борьбу и с простыми чиновниками, коллегами по работе, даже своими учениками, скорее уже из принципа и сложившегося характера. Более того, когда исчезала возможность бороться с теми, с кем Зиновьев недавно боролся, он начинал бороться с их противниками.

В интервью Зиновьев рассказывает, что его приняли на работу в Институт философии и в партию «как антисталиниста с целью борьбы против сталинизма, можете себе представить?» [Мой путь... 2001: 291]. Но Щедровицкий рассказал мне другую историю. «Умер Сталин, началась десталинизация. На одном из собраний в Институте философии, где случайно присутствовал Зиновьев, докладчик рьяно разоблачал культ личности "гениального отца всех народов". Неожиданно, Зиновьев громко бросил через зал: "Шавка хватает мертвого льва!" Услышав это, директор Института, последовательный сталинист, бросился в отдел кадров и спросил: "Какие ставки свободны?". Ему ответили: "Ставка машинистки". "Зачислить на эту ставку Зиновьева" – приказал директор. И первые полгода, пока не освободилась должность младшего научного сотрудника, Зиновьев числился машинисткой».

И так всегда, когда исчезала возможность бороться с одними, Зиновьев начинал бороться с их противниками. Исчезла возможность бороться с Советами, Зиновьев начал борьбу с Западом. Я, говорит он, «уже не хотел "бить лежачего". Запад все более обнаруживал себя как смертельный враг моей страны, моего народа... Россия моя страна, и она неповторима, другой такой страны на свете нет. Вы знаете, даже свобода слова есть» [Мой путь... 2001: 302, 303]. Получается, настоящий патриот и даже более того – единственный спаситель России; вспомним: «Не будет официального признания Зиновьева в России – не будет России!».

Но может быть, все не совсем так? Может быть, на Западе Зиновьев переживал депрессию («Я долгое время, – вспоминает Зиновьев, – находился в состоянии очень глубокой депрессии» [Мой путь... 2001: 301]), поскольку больше не мог себя реализовать как личность, как борец. Да, его слушали, приглашали читать лекции, но разве это сравнишь с жизнью на грани, с ощущением своей избранности и гениальности? Остроту жизни, конечно, вносили козни КГБ (или то, что казалось таковыми). «На меня на Западе, – рассказывает Зиновьев, – было два покушения, две попытки похищения... Очень своеобразные были покушения. Это было отравление бактериологическим оружием... это было советское бактериологическое оружие, запрещенное, снятое с вооружения» [Мой путь... 2001: 299].

Но все же согласимся, жизнь на Западе не могла наполнить жизнь такой личности. Правда, Александр Александрович все время сигнализировал советским властям: я не враг, если вы последуете моим рекомендациям, то сможете преодолеть все кризисы. «Я, – рассказывает Зиновьев, – не подсказывал, а просто давал характеристику системы, и даже рассчитывал, что там присутствовали советские агенты. И я потом их встречал уже в Москве, я знал этих людей. Ко мне один из них потом подошел и сказал: "Какие же мы были идиоты, что Вас не послушали". Я специально некоторые вещи в своих лекциях открыто проговаривал, рассчитывая на то, что это будет принято во внимание в России. Я все-таки оставался русским человеком, даже советским. Никакого внимания» [Мой путь... 2001: 299–300].

Другое дело, колоссальные возможности, открывшиеся с началом перестройки. Вот где Зиновьев, наконец, увидел возможность реализовать себя в полной мере. Можно спасти Россию и весь мир, воплотить в жизнь свои идеи и методологию. Для этого, правда, нужно вер-

нуться в Россию (это удалось относительно быстро), нужно официальное признание властей (с этим уже шло туго), нужен собственный учебно-научный центр, где будет создана школа Александра Зиновьева, нужна команда, в которой Зиновьеву было бы «адекватное его силам место», наконец, нужно общественное движение («духовное братство»), с которым бы рано или поздно стало считаться правительство [Мой путь... 2001: 332]. Чем же будет руководствоваться это братство и молодежь, пошедшая за Зиновьевым? С одной стороны, новой идеологией, заставляющей идти на жертвы и борьбу, с другой – зиновьевскими методами социальной борьбы, типа «как иголкой убить слона».

«Сейчас Россия, – завершал свое интервью Зиновьев, – имеет возможность развить такой интеллектуальный, духовный и моральный потенциал у себя, имея которые, она не даст раздавить себя никаким внешним силам. Это связано с образованием, выработкой моральных критериев, выработкой у достаточно большой части людей готовности пойти на любые жертвы, историческим терпением. Другого шанса я не вижу. Я много занимался проблемой войны нового типа, современной мировой войны, разработкой таких методов, которые можно обозначить выражением "как иголкой убить слона", то есть как успешно бороться с противником, который превосходит тебя в десятки раз... Нужны обучение молодежи, пропаганда, воспитание. Достаточно большой группы, которая повлияла бы на менталитет других, и чтобы она со временем стала оказывать влияние и на политическую стратегию властей... А это зависит от того, какой тип гражданского общества мы создадим, какой тип идеологии... ключ ко всему этому – новая идеология... То что марксизм пытался сделать и что на длительный период ему удалось. Нужно нечто подобное, но лучшее, более адекватное нашей реальности. Нужны новые институты. То, над чем я работал всю жизнь, может стать основой для такой идеологии. Она должна охватить основные проблемы человеческого бытия – что такое человек, что такое сознание, познание, что такое социум и так далее. Я хочу обратить внимание на то, что западный мир не является неуязвимым. Он уязвим. Надо просто узнать его слабые места... Нам надо открыть такую форму братства, совершенно неуязвимую, потому что с этим будут бороться и бороться жестко. Нужно стать неуязвимым. Тогда историческая альтернатива будет» [Мой путь... 2001: 325–326, 330] (курсив мой. – В.Р.).

Конечно, все это, зная, чем закончилось построение коммунизма в России и какими неуязвимыми были первые большевики, отчасти смахивает на пародию и фарс. Но Зиновьев более чем серьезен. Ему уже много лет, и он спешит сказать и сделать самое главное. К счастью для России, Зиновьев плохой организатор (он в этом признается сам: «Но я не организатор, я это не могу сделать» [Мой путь... 2001: 320], его идеи противоречивы и декларативны, а лекции собирают больше любопытствующих, чем серьезных людей.

P.S. Все сказанное не означает, что в лице Зиновьева мы не имеем дело с удивительной личностью, талантливым логиком и ярким социальным публицистом. В личности Зиновьева гротескно преломились самые разные, характерные для XX столетия, идеи, концепции и проекты переустройства общества и мышления. Важно их понять и осмыслить, чтобы не воспроизводить в третьем тысячелетии дурную бесконечность заблуждений.

дер. Авдотьино. Август 2002 г.

Мой путь... 2001. Мой путь в науке (интервью с профессором А.А. Зиновьевым, ноябрь 2001г.). – *Личность. Культура. Общество*. – Т. III. – Вып. 4. – С. 278–334.

Розин В.М. 2003. А. Зиновьев – интеллектуальный маргинал и эзотерик и его вклад в науку. – *Философские науки*. – № 9. – С. 145–159.